

Д.В. Малышев

Террористическая угроза с постсоветского Юга (Центральная Азия и Кавказ)

***Аннотация.** В статье исследуются террористические угрозы, исходящие с постсоветского Юга. Основываясь на анализе деструктивной роли «Исламского государства» на Ближнем Востоке, автор дает собственную трактовку влияния этой и других террористических структур на постсоветский Юг, государства Центральной Азии и Кавказа. Хронологические рамки исследования в основном охватывают 2016–2017 гг.*

***Abstract.** The article focuses on terrorist threats coming from the post-Soviet Central Asia and the Caucasus. Basing on the analysis of the destructive role of the «Islamic State» (IS) in the Middle East the author gives his own vision of the IS's negative impact on the development of the post-Soviet states in Central Asia and the Caucasus. The chronological scope of the study mainly covers 2016–2017.*

***Ключевые слова:** постсоветский Юг, Центральная Азия, Кавказ, «Исламское государство», террористическая угроза, исламистский радикализм.*

***Keywords:** post-Soviet South, Central Asia, the Caucasus, «Islamic State», terrorist threat, Islamist radicalism.*

В последние десятилетия, как ни прискорбно это звучит, терроризм прочно вошел и в повседневную жизнь, и в политическую практику. Не проходит и дня, чтобы где-то в мире не происходили теракты, приводящие к огромным материальным и людским потерям. С начала нынешнего тысячелетия терроризм

стал рассматриваться как одна из глобальных проблем современности, а борьба с ним ставится чуть ли не на первое место в политике государств мира, а также региональных и глобальных международных организаций.

На постсоветском пространстве все чаще возникают подобные угрозы, которые дестабилизируют и без того неспокойную обстановку в регионе. В этой связи особую опасность представляет именно постсоветский Юг, к которому мы с определенной долей условности относим в рамках данного исследования Центральную (Среднюю) Азию, Южный Кавказ (Закавказье) и Северный Кавказ, который входит в состав Российской Федерации (РФ).

Террористические акты стали реальностью современного мира. Сегодня можно констатировать, что и борьба с этим злом многократно усилилась, вследствие чего довольно часто удается предотвращать теракты. Повсеместно мы находимся под прицелом тысяч камер видеонаблюдения и фиксации, во многих странах четко отработана техника эвакуации людей в случае возникновения террористической угрозы. Но все это, к сожалению, не привело ни к прекращению терактов, ни к полному преодолению их негативных последствий. Война с «Исламским государством» (ИГ, ИГИЛ), которую совместно с войсками Сирийской Арабской Республики (САР) ведут российские ВКС, уже эхом отдается во многих странах мира – Ираке, Турции, Франции, Бельгии, Великобритании и других странах [Терроризм., 2016]. 22 марта 2017 г. в центре Лондона, на Вестминстерском мосту, террорист на автомобиле сбил на тротуаре пешеходов и трех полицейских, а потом с ножом набросился на стражей порядка. В результате погибли четыре человека, сорок получили ранения, а сам террорист был застрелен полицейскими. Ответственность за этот теракт в Лондоне взяло на себя ИГ, представители которого заявили, что Халид Масуд, совершивший теракт, был одним из «солдат «Исламского государства» [Пустовойтова, 2017]. Теракт в Великобритании стал очередным вызовом мировому сообществу в богатом «послужном» списке данной транснациональной террористической структуры.

В Европе действуют десятки ячеек террористов, которые в любой момент готовы совершить новые террористические атаки, и

большинство из них так или иначе «завязаны» на ИГ, что подтверждается недавним терактом в Лондоне. Но самое главное – складывается впечатление, что в Европе нет четкого представления о том, что делать с этой сетью террористических структур, тем более что даже мощные европейские спецслужбы не могут точно определить границы этой сети [Чувакин, 2016].

ИГ на постсоветском пространстве

Нет нужды доказывать, насколько опасной может стать тенденция проникновения ИГ на территорию постсоветского пространства. Так, эксперты Международной кризисной группы полагают, что в рядах этой организации воюют от 2 тыс. до 4 тыс. выходцев из региона Центральной Азии (ЦА) и там представлен весь этнический спектр региона – есть и узбеки, и казахи, и таджики, и киргизы, и туркмены [Международная..., 2015].

В деятельность ИГ оказались вовлечены и граждане России. Так, в марте 2014 г. в Сирии клятву верности ИГ принесла исламистская группировка «Джамаат Сабири», которую возглавляет Халид ад-Дагестани и в которую входят таджики, узбеки, а также чеченцы и дагестанцы [Афанасьев, 2014].

ИГ имеет хорошо подготовленную агитационную базу. Большинство жертв пропаганды ИГ – молодые мужчины с низким уровнем образования, без определенных взглядов, которые не в силах реализовать себя в современном мире. ИГ предлагает им некий контент, который заполняет этот вакуум, – альтернативу привычному миру, сообщество, в котором они смогут себя проявить. Агитаторами ИГ разработана специальная методика вербовки женщин – потенциальные жертвы откликаются на призыв обсудить, например, вопросы политики, геополитики, мирового лидерства, ситуации на Ближнем Востоке и т.д., а в итоге попадают в искусно расставленные вербовщиками сети, вырваться из которых удается немногим. Результат, к сожалению, впечатляет – на стороне террористов в Ираке и Сирии воюет более 20 700 выходцев из иностранных государств, в том числе и из республик бывшего СССР. Россия по числу завербованных находится на втором месте, уступая

только Тунису. Первое место в Европе по данному показателю стабильно удерживает Франция [Сколько террористов., 2016].

Пропагандистская работа ИГ до 2013 г. осуществлялась на базе медиацентра «Аль-Фуркан» (Al-Furqan Foundation), готовившего веб-материалы, CD и DVD. В 2013–2014 гг. было создано еще два «мозговых центра» пропаганды «Исламского государства» – «Аль-Иатисам медиафонд» и «Аль-Хайат медиацентр» (Al-I'tisam Media Foundation, Al-Hayat Media Center). Именно там начали создаваться материалы, адресованные аудитории западных стран, т.е. не только на арабском, но и на других языках. Затем появились новые платформы – «Фурсан аль-баляг медиа», «Асауирти медиа», «Аль-Гураба медиа» (Fursan Al-Balagh Media, Asawirti Media, Al-Ghuraba Media). В 2014 г. было запущено еще несколько проектов: «Айнад медиафонд» (Ajnad Media Foundation), специализирующийся на радиовещании и трансляции мусульманских нашид-песнопений (песнопения об исламе), онлайн журнал «Дабик» (Dabiq) на нескольких языках, журнал «Новости Исламского государства» (ISN), ориентированный на аудиторию за пределами Сирии и Ирака, а также несколько арабоязычных форумов [Иностранные боевики., 2016].

Еще одним важным фактором для вербовки является финансовое обеспечение деятельности ИГ. Рядовой воин, который выполняет боевые задачи в рядах этой структуры, получает около 400 долл. США в месяц, и эта сумма гораздо выше той, что может предложить своим служащим, например, правительство Ирака. А в масштабах всей террористической структуры ежемесячные затраты на содержание вооруженных сил оцениваются в 12 млн долл. США [Swanson, 2015]. Поэтому не вызывает сомнений, что поток рекрутов в ряды ИГ, в том числе и с Юга постсоветского пространства, будет только возрастать.

По утверждению известного российского востоковеда А.О. Филоника, продажа нефти с территорий Ирака и Сирии стала самым значимым для ИГ каналом сбора валюты. Нефть, продававшаяся по демпинговым ценам на протяжении 2014 г., какое-то время обеспечивала несколько миллионов долларов в день за счет сбыта 50–60 тыс. баррелей сырца в сутки. По данным ООН, в сере-

дине 2015 г. поступления колебались от 0,8 млн до 1,6 млн долл. в день, что обеспечивало доход, равный в среднем 550 млн долл. в год. Природный газ также приносил около 500 млн долл. в год. Сумма, вероятно, могла бы быть и больше, но ИГ не может открыто действовать на мировом рынке углеводородов и вынуждено делить доходы с посредниками. Продажи цемента приносят халифату почти 600 млн долл., фосфорной кислоты – 300 млн долл., фосфатов – 50 млн долл. в год. Присвоение урожаев зерновых и хлопка обогащает бюджет халифата на 200 млн долл. в год. Бесперебойный канал аккумуляирования средств создан и массовыми грузовыми перевозками через территорию ИГ. Это увеличивает внутренние накопления на 140 млн долл. США в год [Филоник, 2017].

Таким образом, проблема террористической угрозы остается очень серьезной. На постсоветском пространстве она касается нескольких регионов, и одним из ключевых из них является Центральная (Средняя) Азия.

Центральная Азия: генезис и данность исламистской угрозы

В Центральной Азии (ЦА) распространение идей радикального ислама (и как следствие – возникновение различных ячеек террористических структур) совпало с распадом СССР. Этот процесс, впрочем, наблюдался и при советской власти: несмотря на гонения на верующих мусульман, в Средней Азии и Казахстане появлялись подпольные кружки и школы изучения ислама.

Уже с начала 1990-х годов прошлого века в республике региона начали активно проникать идеи салафизма (ваххабизма) и как следствие – появились «джамааты», которые представляли собой группы «истинно верующих» мусульман, ратовавших за возвращение населения к нормам жизни мусульманских общин времен пророка Мухаммада [Поляков, 2014, с. 9]. Деятельность «джамаатов» обеспечивалась политической, культурной и, что немаловажно, финансовой поддержкой ряда ближневосточных монархий, прежде всего Саудовской Аравии и Катара. Само по себе подобное «просветительство» не несло особого вреда, но достичь поставленных целей в условиях светских режимов можно было только путем

террора. Тогда-то и начали формироваться различные структуры, группы, движения, взявшие на вооружение террористические методы.

Однако терроризм и экстремизм какое-то время не рассматривались в качестве серьезных угроз безопасности региона. Мало того, сами правительства центральноазиатских республик закрывали глаза на эти явления. Но после событий 11 сентября 2001 г. и начала военной операции в Афганистане ЦА оказалась на переднем крае борьбы с международным терроризмом. При этом уровень террористической угрозы в странах ЦА оставался высоким на протяжении всех послесоветских лет. Во многом это было обусловлено факторами внутренними: низким уровнем социально-экономического развития, клановой борьбой, недостаточным развитием религиозного и культурного самосознания, близостью к очагам международной исламистской угрозы [Ионова, 2015, с. 61].

В странах региона вызовы террористической угрозы во многом схожи, но при этом имеются и определенные различия.

Республика Казахстан (РК)

Законодательство РК дает следующее определение религиозного экстремизма: «Организация и (или) совершение... физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели... разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)» [Закон Республики Казахстан..., 2016].

Можно назвать следующие основные причины распространения экстремистских идей в РК:

- 1) исламизация казахстанского общества, которая проводилась властями республики с целью создания некоей альтернативы коммунистической идеологии, превалировавшей до этого в общественной жизни;

2) неспособность в новых условиях органов исполнительной власти противостоять исламистской угрозе;

3) неконтролируемый рост числа культовых исламских учреждений, что создавало определенную основу для формирования радикальных настроений, особенно среди молодежи;

4) получение молодыми казахстанцами религиозного образования в зарубежных исламских учебных заведениях, прежде всего в Саудовской Аравии, Пакистане, Турции, Египте, Иране и др. (см. напр.: [Поляков, 2000]).

В начале 2000-х годов ситуация явно начала выходить из-под контроля. Пытаясь отреагировать на возникшую угрозу, власти Казахстана ввели запрет на деятельность многих структур, имевших видимость просветительских, которые фактически стали своеобразными ячейками по вербовке новых боевиков. Помимо ранее запрещенных в Казахстане «Аль-Каиды», «Исламского движения Восточного Туркестана», «Исламского движения Узбекистана» и др., в этот перечень попала, например, религиозно-политическая партия Хизб ут-Тахрир аль-Ислами – Исламская партия освобождения.

22 декабря 2016 г. президент РК Н. Назарбаев подписал закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия экстремизму и терроризму», который вступил в силу 7 января 2017 г. Основная суть этого документа – обязательная регистрация граждан республики по месту временного пребывания [Закон Республики Казахстан., 2017]. Цель данной акции – попытка поставить под жесткий контроль перемещение граждан республики и приезжающих лиц с целью не допустить неконтролируемое распространение радикальных идей. В самом Казахстане многие расценили этот шаг как наступление на гражданские права, а ряд экспертов прогнозировали даже возможное повторение так называемых «земельных митингов», которые имели место в ряде районов РК летом 2016 г. [Алматбаева, 2017].

Но руководство Казахстана намерено вывести свои инициативы по борьбе с экстремизмом и терроризмом даже не на региональный, а уже на глобальный уровень. Так, выступая 11 января

2017 г. на дебатах в Совете Безопасности ООН, президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул предложение о принятии своеобразного кодекса поведения при проведении международных антитеррористических операций – «Астанинского кодекса», который мог бы стать основой для формирования Глобальной антитеррористической коалиции (сети) под эгидой ООН. Создать подобную коалицию предложили еще в сентябре 2015 г. на состоявшейся тогда 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Назарбаев призвал активизировать диалог политических и религиозных лидеров, прежде всего в контексте противостояния экстремизму и радикализму. По словам лидера республики, именно с этим убеждением Казахстан будет председательствовать в Комитете 1267 Совета Безопасности по борьбе с террористическими группировками, запрещенными в целом ряде стран. Другое дело, что многие эксперты сомневаются в том, что инициатива Астаны будет иметь далеко идущие последствия [Мардасов, 2017].

Тем не менее реальность такова, что угроза со стороны радикальных группировок, которые обосновались в Казахстане, непосредственно затрагивает и Россию. Особые опасения вызывает рост числа радикалов в Западно-Казахстанской области (ЗКО), которая непосредственно граничит с регионами российского Нижнего Поволжья. Учитывая большую протяженность (7512 км) и прозрачность российско-казахстанской границы, это превращается в серьезную проблему как для России, так и для Европы, в которую через территорию РФ могут устремиться радикально настроенные элементы из Казахстана [Серенко, 2016].

Кыргызская Республика (КР)

В период независимого развития КР, как и другие государства ЦА, столкнулась с ростом исламистского радикализма и, как следствие, с новыми террористическими вызовами. Нельзя забывать, что страна пережила фактически две насильственные смены власти – «революцию тюльпанов» 2005 г. и названные «апрельской революцией» события 2010 г., которые сопровождались массовыми беспорядками на юге республики (подробнее см.: [Малышев, 2011]).

В постсоветский период заметную роль в стране стал играть исламский фактор. Почти в 60 раз выросло количество зарегистрированных в республике мечетей, строительство которых финансировалось как местными бизнесменами, так и Турцией и Саудовской Аравией [Концепция., 2014]. Государство в целом негативно реагирует на подобные тенденции. В 2014 г. экстремизм был признан государственной угрозой, а уже в 2015 г. МВД КР зарегистрировало 1945 религиозных радикалов, многие из которых уехали воевать в Сирию [Куренев, 2016].

Есть ряд факторов, которые благоприятствуют росту религиозно-экстремистской активности в Кыргызстане:

1) слабость центральной власти, которой так и не удалось разрешить целый ряд насущных проблем, таких как ветхость социальной инфраструктуры, неверие большинства граждан в дееспособность правоохранительной системы и пр.;

2) недостаточное взаимодействие религиозных структур и местных органов власти, в частности, все большее количество семей предпочитает, чтобы с преступлениями на местах разбирались не милиция и суды, а местные религиозные лидеры;

3) негативное влияние религиозного образования на общественное сознание, большинство семей из-за падения престижа светской школы предпочитают, чтобы их дети получали религиозное образование, в том числе и за границей, что способствует распространению радикальных идей;

4) социально-экономические факторы, среди которых основную роль играют безработица и массовая миграция [Кыргызстан: Хрупкость..., 2016, с. 4–8].

Все вместе это создает питательную среду для формирования в республике разнообразных экстремистских групп, многие из которых все чаще склоняются к использованию террористических методов, и именно они представляют угрозу не только для киргизской государственности, но и для других стран и регионов.

Республика явно ощущает на себе негативное влияние «Исламского государства». К примеру, в январе 2016 г. в районе «Восток-5» в Бишкеке была блокирована преступная группировка, являвшаяся одной из ячеек этой международной террористической

структуры. В последнее время в республике неуклонно растет число как сторонников, так и сочувствующих ИГ, а среди тех, кто вступает в ряды этой организации, увеличивается число женщин и детей. Так, с начала 2015 г. в Кыргызстане выявлена и пресечена деятельность более 50 религиозно-экстремистских группировок [Панкратов, 2016]. Основная проблема состоит в том, что в Кыргызстане радикальная террористическая угроза не только исходит со стороны внешних сил, из стран зарубежного Востока, но и зарождается на территории самой республики.

Республика Таджикистан (РТ)

Традиция политического террора имеет в Таджикистане давнюю историю. В 1992–1997 гг. страна оказалась охвачена разорительной и, пожалуй, самой кровавой на постсоветском пространстве гражданской войной, положить конец которой удалось только с помощью мирового сообщества. Но вот последствия этого межтаджикского противостояния сказываются до сих пор (подробнее см.: [Малышев, 2010]).

В 1999–2000 гг. в республике имели место Баткенские события, связанные с прорывом боевиков «Исламского движения Узбекистана» через южные районы Таджикистана и Баткенскую область Кыргызстана на территорию Узбекистана. Нападение тогда удалось отбить, но эти события показали, что проблема защиты от террористической угрозы, особенно на южном фланге СНГ, до сих пор полностью не решена [Амин, 2013].

Столкновения с различными террористическими группами, которые проникают в республику с территории соседнего Афганистана, происходят практически постоянно. Это в известной мере связано с тем, что граница Таджикистана с Афганистаном – весьма протяженная (1344 км), очень уязвимая, а ее охрана сопряжена с большими трудностями. Наиболее проблемными в республике остаются Раштский район (Рашт) и Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО), где чаще всего происходят столкновения с боевиками.

Одним из самых серьезных кризисов последнего времени стал мятеж бывшего заместителя министра обороны Таджикистана

А. Назарзоды в сентябре 2015 г. Формально мятеж был спровоцирован запретом деятельности в республике фактически единственной на тот момент в регионе легально существовавшей Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Мятеж Назарзоды был подавлен, но террористические вызовы продолжают дестабилизировать ситуацию как в РТ, так и в других странах, в том числе и в РФ, куда, как известно, направляется очень большое число таджикских трудовых мигрантов.

Проблемой является также и то, что большое число подготовленных террористов направляется в республику из соседних Афганистана и Пакистана (таджики – второй после пуштунов по численности этнос в Афганистане, и достаточно большая таджикская диаспора проживает в Пакистане). Спецслужбы Афганистана неоднократно обнаруживали на территории вблизи таджикской границы медресе, в которых готовили террористов. В частности, одна из таких «школ» была обнаружена в провинции Кундуз в апреле 2016 г. И этот случай далеко не единичен. Не секрет, что после соответствующей подготовки террористы отправляются в соседние страны, в том числе и в Таджикистан, на территории которого находится самый крупный российский военный объект – 201-я база [Князева, 2016].

В сентябре 2016 г. поступила информация, что бывший глава таджикского ОМОНа, экс-полковник Г. Халимов по прозвищу аль-Таджики возглавил военную структуру ИГ, т.е. стал отвечать за проведение боевых действий. Через соцсети и своих сторонников он активно вербует в ряды террористической группировки молодежь, что создает серьезную угрозу безопасности Таджикистана и других стран, тем более что республика продолжает оставаться наиболее уязвимой для террористических атак среди стран региона, о чем свидетельствует Глобальный индекс терроризма, который ежегодно составляет Лондонский институт экономики и мира [Исследование..., 2016].

Республика Узбекистан (РУ)

Это крупное центральноазиатское государство имеет серьезные предпосылки для роста радикальных исламистских настроений

ний. Во многом такая угроза обусловлена, во-первых, непосредственным соседством Узбекистана с Афганистаном, в котором узбекская диаспора по численности занимает третье место после пуштунов и таджиков. Один из действующих вице-президентов Афганистана, этнический узбек А.Р. Дустум был в свое время одним из влиятельных полевых командиров; он воевал с советскими войсками еще в 1980-е годы. Во-вторых, в Узбекистане существуют также исторические предпосылки религиозного сопротивления: узбеками были большинство басмачей, боровшихся с оружием в руках против советской власти в 1920-х – начале 1930-х годов XX в. В-третьих, если не в самом Узбекистане, то за его пределами – в Афганистане и Пакистане – имеются организационно сформировавшиеся структуры радикально-исламистского толка, состоящие в основном из узбеков («Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) – наиболее известный пример).

До недавнего времени властям республики удавалось успешно противостоять деятельности радикальных структур. Власти выдержали испытание Баткенскими событиями 1999–2000 гг. и восстанием в Андижане в 2005 г. Неуверенность относительно будущего Узбекистана возникла в период смены власти в этой стране, последовавшей вслед за кончиной 2 сентября 2016 г. первого президента республики Ислама Каримова. Но пока все говорит о том, что общее положение дел в Узбекистане не изменилось кардинально в худшую сторону и прогнозировавшегося рядом экспертов «исламистского восстания», к счастью, не произошло.

Из недавних событий в республике, связанных с экстремизмом, можно выделить следующие. В августе 2016 г. в аэропорту Намангана задержали партию упакованных в шоколадные конфеты флеш-карт, содержащих экстремистские видеоматериалы. За год до этого, в августе 2015 г., в том же аэропорту был задержан курьер, который пытался ввезти в страну пропагандистские материалы ИГ и ИДУ. По официальным данным, только в 2015 г. было выявлено более 1200 случаев попытки провоза в страну материалов экстремистского содержания. В конце апреля 2016 г. в Уголовный кодекс Узбекистана были внесены поправки, ужесточающие наказание за распространение идей религиозного экстремизма: теперь

авторов и распространителей подобных материалов могут лишиться свободы на срок от пяти до восьми лет [Джихад в шоколаде..., 2016].

И такое ужесточение законодательства в Узбекистане не случайно. Из всех народов, проживающих в ЦА, именно узбеки сохраняют первенство по числу участников экстремистских группировок, действующих на территории Афганистана, Пакистана, Сирии и Йемена. Одним из основных объяснений этого помимо уже озвученных выше, на наш взгляд, является то, что узбеки – самый многочисленный народ в регионе. Известно, что узбеки давно уже участвуют в боевых действиях в Сирии и Ираке, многие из них состоят в ИГ. Точное их число узнать практически невозможно, цифры разнятся от нескольких сотен до нескольких тысяч. При этом среди боевиков очень высок и уровень смертности, что еще больше затрудняет подсчеты [Панниер, Толибов, Клевцова, 2016].

Есть и другая проблема. В Узбекистане, несмотря на сложившийся жесткий режим, существуют коррумпированные чиновники и военные, которые за плату фактически помогают террористам. В частности, в июле 2016 г. Маргиланский городской суд приговорил подполковника милиции О. Солиева к шести годам лишения свободы за продажу выездных виз, что позволило новобранцам ИГ отправиться в Сирию и Ирак, чтобы влиться в ряды этой транснациональной преступной группировки. Сам подполковник, что характерно, возглавлял Управление въезда, выезда и гражданства (УВВИГ) при МВД Узбекистана. Согласно официальной информации, следствие доказало, что он брал взятки от вербовщиков ИГ. Дело подполковника оказалось не единственным: вскоре уголовные дела были заведены еще против ряда сотрудников паспортных столов шести районов Ферганской области – за взятки при оформлении права выезда из Узбекистана [В Маргилане..., 2016].

Конечно, пока еще не ясно, каким будет дальнейшее развитие Узбекистана после смерти И. Каримова. Но главные вызовы остаются прежними – приграничные конфликты и влиятельное исламистское подполье, которое по-прежнему обладает в стране достаточной силой. Тем не менее узбекские власти не оставляют попытки купировать террористическую угрозу. В республике осу-

ществляется полномасштабная модернизация аппарата безопасности и вооруженных сил. 14 января 2017 г., выступая по случаю Дня защитников Родины, президент Узбекистана Ш. Мирзиёев в качестве одного из приоритетов назвал «переоснащение войск современными видами вооружения и военной техники». Кроме того, в Узбекистане начата реализация проекта по мониторингу проблем, с которыми сталкивается молодежь в Ферганской долине; курирует этот проект заместитель премьер-министра Т. Нарбаева [Латип, 2017].

В борьбе с террористической угрозой Узбекистан готов сотрудничать и с другими странами региона ЦА, в частности с Казахстаном, о чем было заявлено в марте 2017 г. во время визита в Узбекистан официальной делегации Республики Казахстан во главе с помощником президента – секретарем Совета безопасности РК В. Жумакановым [Узбекистан и Казахстан., 2017].

Туркменистан

В отличие от тех центральноазиатских стран, о которых шла речь выше, Туркменистан избежал в своей новейшей истории каких-либо серьезных политических потрясений. И тем не менее определенные проблемы, аналогичные тем, о которых в контексте нашей темы говорилось выше, здесь тоже имеются. Так, у Туркменистана достаточно протяженная (745 км) граница с Афганистаном, в котором как раз вдоль границы проживает около 1 млн этнических туркмен. Из трех стран ЦА, граничащих с Афганистаном, Туркменистан имеет наименее защищенную границу [Балиев, 2015], что порождает серьезные вызовы безопасности страны.

В феврале 2015 г. боевики ИГ и отряды талибов начали скапливаться на границе Афганистана с Туркменистаном. Основной целью игиловцев и талибов стала граничащая с Туркменистаном афганская провинция Фарьяб. В июне 2015 г. в районе туркменского поселка Тагтабазар в Марыйском вилайете произошли столкновения, в ходе которых погибли 12 туркменских военнослужащих [Ашхабад., 2015]. Таким образом, Туркменистан явно начал ощущать на себе угрозу со стороны ИГ и соседнего государства.

В мае 2016 г. на севере Афганистана вблизи границы с Туркменистаном началась операция по ликвидации боевиков, командование которой осуществлял первый заместитель президента Афганистана генерал Абдул Рашид Дустум. По его информации, операция закончилась успешно [На северо-западе., 2016], но данный факт свидетельствует, что боевые действия в сопредельном государстве уже подошли непосредственно к границам Туркменистана.

На борьбу с экстремистскими настроениями в Туркменистане привлекли даже имамов. В середине июля 2016 г. Центральный комитет (Генгеш) по делам религий при правительстве Туркменистана разослал указание, согласно которому руководители нижестоящих советов и имамы мечетей должны усилить просветительскую работу среди прихожан и местного населения. Цель ее состоит в информировании мусульман о действиях экстремистов, которые пропагандируют продвижение радикального ислама в качестве настоящей и чистой религии [Аннаев, 2016]. Надо иметь в виду, что в Туркменистане имамы всех уровней назначаются государством, и данное указание следует в русле государственной политики по противодействию экстремистской деятельности.

Нужно добавить, что угроза со стороны соседнего Афганистана, и в частности движения «Галибан», в ближайшем будущем может заставить руководство республики выйти из внешнеполитической изоляции, в которой оно пребывает по собственной воле, и даже, возможно, отказаться от нейтрального статуса, который Туркменистан имеет уже более 20 лет. Ведь туркменская армия никогда не участвовала в проведении совместных военных учений по отражению террористической угрозы, а нейтральный статус Туркменистана не позволяет ему участвовать в региональных военных союзах, например в ОДКБ. Но если туркменская армия окажется не готова к отражению террористических атак на юго-восточной границе республики, это может серьезно дестабилизировать ситуацию в стране [Угроза., 2016].

Проблема в том, что само руководство республики проводит в данном направлении, мягко говоря, не совсем сбалансированную политику. В частности, в марте 2017 г. экс-губернатор афганской

провинции Герат, в прошлом влиятельный полевой командир Исмаил-хан, обвинил правительство Туркменистана в том, что оно поддерживает «Талибан», поставляя боевикам движения оружие в Герат. Разумеется, на официальном уровне эту информацию никто не подтвердил. Однако известно, что Туркменистан придает очень большое значение реализации планов по строительству газопровода ТАПИ, который планируется протянуть из Туркменистана через Афганистан и Пакистан в Индию. Протяженность газопровода – 735 км и в основном он пройдет по территории, которую на сегодняшний день, по большей части, контролируют боевики, в частности, через ту же провинцию Герат, где, как известно, официальные власти присутствуют только номинально. Возникает вопрос: кто будет охранять газопровод? Судя по реалиям сегодняшнего дня, центральные власти Афганистана вряд ли с этим справятся, поскольку до сих пор они не сумели подавить террористические выступления в регионе, что не может не тревожить центральноазиатских соседей Афганистана [Зачем Туркменистан.., 2017].

Таким образом, постсоветская Центральная Азия, несмотря на все прилагаемые местными властями и международным сообществом усилия, так и не превратилась в регион стабильности, и ее перспективы в этом плане остаются крайне туманными.

Террористические угрозы в регионе Кавказа

Южный Кавказ (ЮК), который включает в себя территории трех суверенных государств – Азербайджанской Республики (АР), Республики Армения (РА) и Грузии, – в настоящее время испытывает на себе давление различных террористических структур. Особенно ему подвержены Азербайджан и Грузия, но некоторые проявления этого процесса можно наблюдать и в Армении.

Еще в конце 2015 г. грузинские СМИ распространили видеоролик, появившийся в Интернете, в котором сражающиеся на стороне ИГ граждане Грузии призывали мусульман, проживавших в республике, поддержать ИГ, а всем остальным угрожали неизбежной победой так называемого «халифата». Тогда МВД Грузии было переведено на усиленный режим несения службы, стали проверять всех, кто уезжал либо возвращался из Турции, которая тогда (как в

какой-то мере и сейчас) являлась своеобразным транзитным коридором для поставки боевиков в ряды ИГ в Сирии и Ираке. Официальные власти вынуждены были даже признать, что Грузия – по преимуществу христианская страна – стала одним из заметных поставщиков боевиков в ИГ наряду с республиками Средней Азии. При этом в самой Грузии можно выделить как минимум три региона, связанных с подобной деятельностью: Квемо-Картли – регион на юге страны, населенный преимущественно азербайджанцами, исповедующими ислам суннитского толка (напомним, что большинство мусульман Азербайджана – шииты); Аджария, имеющая статус автономной республики в составе Грузии, граничащая с Турцией и по преимуществу населенная мусульманами; и наконец, самый проблемный регион – Панкисское ущелье, печально известное еще с 1990-х годов как своеобразная база и прибежище для террористов, воевавших в Чечне. Значительную часть населения Панкисского ущелья составляют кистинцы, самым «известным» из которых был Т. Батирашвили (Абу Умар аш-Шишани). Он возглавлял группировку «Джаиш аль-мухаджирин ва аль-Ансар» (араб. «Армия эмигрантов и помощников»), состоявшую преимущественно из граждан бывшего СССР [Шишани, 2013], большая часть которой влилась в ряды ИГ. Сам аш-Шишани стал во главе военной структуры ИГ [Исламская угроза., 2015]. После его гибели (об этом в июле 2016 г. сообщило подконтрольное ИГ агентство «Аль-Амак», хотя точная дата гибели Батирашвили до сих пор неизвестна) этот пост занял еще один выходец из республик бывшего СССР – бывший руководитель таджикского ОМОНа Г. Халимов (аль-Таджики) [СМИ: Гулмурод Халимов., 2016].

В июне 2016 г. в грузинской прессе появились сообщения, что ИГ создало своеобразный спецназ – бригаду специального назначения, целью которой является осуществление терактов в Европе, Центральной Азии, на Северном Кавказе, а также и в Грузии. Утверждалось, что в различных регионах республики уже активно действуют эмиссары ИГ.

Опасения по поводу распространения влияния ИГ в Грузии разделяют и российские эксперты. Так, президент Научного общества кавказоведов А.Б. Крылов в одном из интервью отметил: «Это

относится и к Панкиси, и к Аджарии, где резко возросла численность мусульманского населения, и к региону Квемо-Картли, где компактно проживает азербайджанское население. Там действительно налажены связи с “Исламским государством” и не только с ним – есть масса других радикальных организаций, где присутствуют выходцы с Кавказа» (цит. по: [Мардасов, 2016]). Таким образом, рост влияния ИГ в Грузии не вызывает сомнения.

В январе 2016 г. о том, что ИГ использует Панкисское ущелье как своеобразную базу для тренировок и отдыха боевиков, заявил уже министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, который посетил этот регион вместе с президентом Грузии Г. Маргвелашвили. Официальный Тбилиси в лице премьер-министра Г. Квирикашвили, а потом и посол США в республике Ян Келли, это заявление опровергли, но факт остается фактом: ряд изданий продолжают настаивать, что в Панкиси есть сторонники ИГ, некоторые из бывших боевиков возвращаются туда из Сирии и Ирака и продолжают свою деструктивную деятельность [Экспресс-проверка., 2016].

Не менее сложная ситуация, связанная с ростом террористической угрозы, сохраняется и в Азербайджане, что были вынуждены признать и власти республики. В октябре 2016 г. Милли Меджлис (парламент) страны внес изменения в Уголовный кодекс и в закон «О свободе вероисповеданий», в соответствии с которыми значительно ужесточилось наказание за экстремизм и террористическую деятельность: были предусмотрены длительные сроки лишения свободы и большие штрафы. Связано это было в том числе с деятельностью на территории страны группировки, которая именует себя «Кавказский джамаат» [Мамедов, 2016]. В конце октября 2016 г. Служба госбезопасности Азербайджана провела в различных районах республики операцию по задержанию экстремистов, намеревавшихся создать в стране боевое крыло этой организации. Сторонники группировки действовали под эгидой ИГ, присягнув ему на верность. На стороне ИГ воюет более 1000 выходцев из Азербайджана. Многие из них, покинув театр боевых действий, оседают в Турции, но в любой момент могут вернуться на родину, что не замедлит сказаться на дальнейшей дестабилизации обстановки в стране [Абасов, 2016].

Что же касается Армении, то прямых доказательств активной деятельности в этой стране группировок или лиц, связанных с международными террористическими структурами типа ИГ, нет. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, Армения – моноэтническая страна, где подавляющая часть населения – армяне, и даже если они есть в рядах ИГ, то в крайне незначительном количестве. Во-вторых, в республике очень мало мусульман, что само по себе препятствует распространению пропаганды ИГ и подобных ему структур. В-третьих, граница Армении с Турцией закрыта еще с начала 1990-х годов, а патрулирование почти всего ее периметра осуществляют российские пограничники, что также сдерживает проникновение в страну различных радикальных элементов.

Тем не менее полностью исключать террористическую угрозу в Армении нельзя, что в республике признают на самом высоком уровне. В частности, в преддверии 25-летия подписания Договора о коллективной безопасности (ДКБ) президент РА Серж Саргсян дал интервью Межгосударственной телерадиокомпании «Мир», в котором, в частности, отметил, что Армения находится в 400 км от зоны действия ИГ и, следовательно, события на Ближнем Востоке имеют непосредственное отношение к безопасности Армении [Эксклюзивное интервью., 2017].

Таким образом, можно констатировать, что в последние годы страны Южного Кавказа испытывают все большее давление со стороны различных террористических групп, преодолеть которое можно только совместными усилиями всех стран, при участии РФ и мирового сообщества.

Регион Северного Кавказа, включающий северную часть склона Большого Кавказского хребта и Предкавказье, а также западную часть южного склона до реки Псоу, по которой проходит государственная граница РФ, тоже остается источником террористической угрозы. На территории Северного Кавказа находится семь республик, являющихся субъектами РФ: Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Чечня, Дагестан, а кроме того, два края – Ставропольский и Краснодарский. Все эти субъекты Федерации входят в два федеральных округа – Южный и Северо-Кавказский. Регион столкнулся

с террористической угрозой еще в период заката СССР (с конца 1980-х годов). Самым серьезным испытанием стали две чеченские кампании 1990-х годов XX в. – начала XXI в.: данный конфликт формально был завершен 16 апреля 2009 г., когда Национальный антитеррористический комитет (НАК) объявил об отмене контр-террористической операции (КТО) на территории Чеченской Республики. Но проблема не канула в прошлое, и в последнее время на фоне возросшего влияния международных террористических структур типа ИГ она продолжает так или иначе проявляться на Северном Кавказе.

По данным ФСБ РФ, в рядах ИГ воюют около 1,7 тыс. выходцев из России. И эта цифра каждый год увеличивается как минимум вдвое [«Исламское государство» представляет.., 2015]. В основном это выходцы с российского Северного Кавказа, а главными поставщиками «живой силы» для ИГ были и остаются Чечня и Дагестан. В частности, в сентябре 2013 г. уроженцы Северного Кавказа сформировали в городе Алеппо на севере Сирии группировку «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар», которую возглавил этнический чеченец Абу Абдурахман; ее численность была около тысячи человек, многие из участников имели опыт боевых действий на Кавказе [В Сирии.., 2013].

24 марта 2017 г. в Чеченской Республике террористы напали на воинскую часть Росгвардии, о чем официально сообщил Национальный антитеррористический комитет РФ. В результате атаки погибли шесть российских военнослужащих, шесть боевиков были ликвидированы. Это стало третьим подобным инцидентом на территории Чечни с начала 2017 г. Данный факт свидетельствует о том, что на смену группировке «Имарат Кавказ» (террористическая организация, запрещенная в РФ решением Верховного Суда от 08.02.2010), приходит «Исламское государство», к которому присоединились как прежние боевики, так и новые люди [Чаблин, 2017]. Нападение на подразделение Росгвардии было совершено с целью захвата оружия. Бандиты намеревались, используя его, совершить резонансные теракты. Об этом заявил глава Чечни Р. Кадыев. Ранее, 30 января 2017 г., в чеченском городе Шали были уничтожены трое боевиков, которые открыли огонь по сотрудни-

кам полиции. Как было установлено следствием, в обоих случаях за терактами стояло ИГ, а нападавшими руководили вербовщики (предположительно из Сирии) [Кадыров: Цель..., 2017].

Таким образом, российский Северный Кавказ и особенно Чеченская Республика сохраняют на своей территории немало «горячих точек», порождающих новые угрозы.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что проблема террористической угрозы с юга постсоветского пространства, в частности из регионов Центральной Азии и Кавказа, еще далека от разрешения. Общая мировая конъюнктура не позволяет полностью искоренить эту уже ставшую интернациональной болезнь. Но в любом случае необходима политическая воля, чтобы свести к минимуму ее особенно негативные последствия.

Список литературы

Абасов А. Кавказский джамаат ИГ добрался до Азербайджана? Убитые и задержанные в последней спецоперации // On Kavkaz. – М., 2016. – 28.10. – Режим доступа: <https://onkavkaz.com/news/1326-kavkazskii-dzhamaat-ig-dobraljsja-do-azerbaidzhana-ubitye-i-zaderzhannye-v-poslednei-speroperaci.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Алматбаева Ж. «Борьба с терроризмом» за счет населения: О новой регистрации в Казахстане // REGNUM. – М., 2017. – 11.01. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2225724.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Амин С. Вторжение в Сурхандарьинскую область Узбекистана // Время Востока. – Бишкек, 2013. – 14.01. – Режим доступа: <http://easttime.ru/analytics/uzbekistan/vtorzhenie-v-surkhandarinskuyu-oblast-uzbekistana> (Дата обращения – 20.04.2017).

Аннаев Д. Туркменские имамы ведут борьбу против радикального ислама // InoZpress. – Бишкек, 2016. – 17.08. – Режим доступа: <http://inozpress.kg/news/view/id/49215> (Дата обращения – 20.04.2017).

Афанасьев А. Хроники дестабилизации 218: Новости с джихада // LiveJournal. – М., 2014. – 28.09. – Режим доступа: <http://werewolf0001.livejournal.com/2052203.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Ашхабад: «Груз 200» // Хроника Туркменистана. – Ашхабад, 2015. – 06.07. – Режим доступа: <http://www.chrono-tm.org/2015/07/ashhabad-gruz-200> (Дата обращения – 20.04.2017).

Балиев А. Туркменистан: Угроза с юга // Фонд стратегической культуры. – М., 2015. – 28.02. – Режим доступа: <http://m.fondsk.ru/news/2015/02/28/turkmenistan-ugroza-s-uga-31970.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

В Маргилане осужден милиционер, выпускавший из страны сторонников ИГ // Sputnik. – Ташкент, 2016. – 08.07. – Режим доступа: <http://ru.sputniknews-uz.com/society/20160708/3260662.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

В Сирии боевики сообщают о создании отряда из выходцев из Чечни // Кавказский узел. – М., 2013. – 20.09. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/230347> (Дата обращения – 20.04.2017).

Джихад в шоколаде: Узбекистан борется с импортом экстремизма // Stan Radar. – Бишкек, 2016. – 19.08. – Режим доступа: <http://www.stanradar.com/news/full/21844-dzhihad-v-shokolade-uzbekistan-boretsja-s-importom-ekstremizma.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года № 31-III «О противодействии экстремизму» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2016 г.) // Параграф. – Астана, 2016. – 28.12. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 (Дата обращения – 20.04.2017).

Закон Республики Казахстан от 22 декабря 2016 года № 28-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия экстремизму и терроризму» (с изменениями от 27.02.2017 г.) // Параграф. – Астана, 2017. – 27.02. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34199995 (Дата обращения – 20.04.2017).

Зачем Туркменистан вооружает талибов? // Stan Radar. – Бишкек, 2017. – 15.03. – Режим доступа: <http://www.stanradar.com/news/full/24360-zachem-turkmenistan-vooruzhaet-talibov.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Иностранные боевики в «Исламском государстве» // РСМД. – М., 2016. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/isfighters> (Дата обращения – 20.04.2017).

Ионова Е. Об угрозе терроризма в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии / РАН. ИМЭМО. – М., 2015. – № 4. – С. 60–71. – Режим доступа: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novye_gosudarstva_evrazii/Ionova.pdf (Дата обращения – 20.04.2017).

Исламская угроза Грузии // Российский миротворец. – М., 2015. – 10.12. – Режим доступа: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=28577> (Дата обращения – 20.04.2017).

«Исламское государство» представляет реальную угрозу для России и ее соседей, заявили в ФСБ // NEWSru.com. – М., 2015. – 10.04. – Режим доступа: <http://palm.newsru.com/russia/10apr2015/ig.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Исследование: Таджикистан уязвим перед угрозой терроризма // CA-News. – Бишкек, 2016. – 18.11. – Режим доступа: <http://ca-news.org/print:1345066/> (Дата обращения – 20.04.2017. – По подписке).

Кадыров: Цель напавших на часть Росгвардии террористов – захват оружия // REGNUM. – М., 2017. – 24.03. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/accidents/2254292.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Князева М. СМИ Таджикистана: Экономические проблемы, террористы и вооруженное бессилие // REGNUM. – М., 2016. – 18.04. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/2119985.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – Бишкек, 2014. – 14.11. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/68294> (Дата обращения – 20.04.2017).

Куренев Г. 508 кыргызстанцев находятся в зонах боевых действий // Вечерний Бишкек. – Бишкек, 2016. – 15.01. – Режим доступа: http://www.vb.kg/doc/332459_508_kyrgyzstancsev_nahodiatsia_v_zonah_boevyih_deystviy.html (Дата обращения – 20.04.2017).

Кыргызстан: Хрупкость государства и радикализация: Брифинг Кризисной группы по Европе и Центральной Азии № 83 / International Crisis Group. – Ош; Бишкек; Брюссель, 2016. – 03.10. – 24 с. – Режим доступа: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b83-kyrgyzstan-state-fragility-and-radicalisation-russian.pdf> (Дата обращения – 20.04.2017).

Латип Ю. Узбекистан принимает меры для борьбы с новыми угрозами безопасности // Караван-сарай. – Ташкент, 2017. – 27.01. – Режим доступа: http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/01/27/feature-01 (Дата обращения – 20.04.2017).

Мальшев Д. Превентивная дипломатия ООН в Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – М., 2010. – № 2, апрель-июнь. – С. 27–47.

Мальшев Д. Революционные события 2010 года в Киргизии: Основные предпосылки и реакция мирового сообщества // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – М., 2011. – № 1, январь-март. – С. 130–148.

Мамедов С. Баку ужесточает борьбу с экстремистами // Независимая газета. – М., 2016. – 01.11. – Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2016-11-01/6_6849_baku.html (Дата обращения – 20.04.2017).

Мардасов А. Кодекс Назарбаева: Как правильно «мочить в сортирах» ИГИЛ // Свободная пресса. – М., 2017. – 12.01. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/war21/article/164070/> (Дата обращения – 20.04.2017).

Мардасов А. Спецназ ИГИЛ атакует через Грузию // Свободная пресса. – М., 2016. – 28.06. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/war21/article/151455/> (Дата обращения – 20.04.2017).

Международная кризисная группа насчитала до четырех тысяч выходцев из стран СНГ в рядах ИГ // NEWSru.com. – М., 2015. – 21.01. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/21jan2015/isng.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

На северо-западе Афганистана возобновилась операция против «Талибана» // SA-News. – Бишкек, 2016. – 10.05. – Режим доступа: <http://sa-news.org/print:1186941> (Дата обращения – 20.04.2017. – По подписке).

Панкратов А. Киргизия готовит кадры для ИГИЛ // ЦентрАзия. – М., 2016. – 18.01. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1453112580> (Дата обращения – 20.04.2017).

Панниер Б., Толибов С., Клевцова А. Узбекские боевики: От Афганистана до Сирии // Радио Азаттык. – Бишкек, 2016. – 15.07. – Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/a/boeviki-iz-uzbekistana-syria-ig/27859628.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Поляков К. Исламский экстремизм в Центральной Азии / РАН. ИВ. – М., 2014. – 136 с.

Поляков К. Исламский университет аль-Азхар: Традиции и современность // Ближний Восток и современность / РАН. ИИИиБВ. – М., 2000. – Вып. 9. – С. 195–206.

Пустовойтова Е. Побойше на Вестминстерском мосту // Фонд стратегической культуры. – М., 2017. – 24.03. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/pview/2017/03/24/poboische-na-vestminsterskom-mostu-43716.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Серенко А. Исламисты Казахстана присматриваются к Нижнему Поволжью // Независимая газета. – М., 2016. – 26.10. – Режим доступа: http://www.ng.ru/regions/2016-10-26/1_6844_povolzhie.html (Дата обращения – 20.04.2017).

Сколько террористов и из каких стран воюет в рядах ДАИШ: Отчет The Soufan Group // Война и мир. – М., 2016. – 27.03. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/110333/> (Дата обращения – 20.04.2017).

СМИ: Гулмурод Халимов стал новым главарем террористической группировки ИГ // ТАСС. – М., 2016. – 04.09. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3591982> (Дата обращения – 20.04.2017).

Терроризм – это не страшный сон, это страшная реальность // REGNUM. – М., 2016. – 06.02. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/society/2072918.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Угроза Талибана может склонить Туркменистан выйти из изоляции // Stan Radar. – Бишкек, 2016. – 29.02. – Режим доступа: <http://www.stanradar.com/news/full/19934-ugroza-talibana-mozhet-sklonit-turkmenistan-vyjti-iz-izoljatsii.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Узбекистан и Казахстан будут сотрудничать в борьбе против терроризма // UzReport. – Ташкент, 2017. – 10.03. – Режим доступа: http://news.uzreport.uz/news_2_r_149048.html (Дата обращения – 20.04.2017).

Филоник А. ИГ: От безумной идеи к коллапсу экономики // РСМД. – М., 2017. – 27.01. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20170314034312/http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8639#top-content (Дата обращения – 20.04.2017).

Чаблин А. Бойню в Чечне устроили в День Конституции (список потерь) // Свободная пресса. – М., 2017. – 24.03. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/accidents/article/169048/> (Дата обращения – 20.04.2017).

Чувакин О. Их европейская месть // Военное обозрение. – М., 2016. – 30.03. – Режим доступа: <https://topwar.ru/93057-ih-evropeyskaya-mest.html> (Дата обращения – 20.04.2017).

Шишани М. Чеченцы из Грузии отправляются воевать в Сирию // BBC: Русская служба. – Лондон, 2013. – 21.11. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131120_chechens_syria_georgia (Дата обращения – 20.04.2017).

Эксклюзивное интервью Сержа Саргсяна телеканалу «Мир» // 24 МИР. – М., 2017. – 24.03. – Режим доступа: <http://mir24.tv/news/politics/15873567> (Дата обращения – 20.04.2017).

Экспресс-проверка заявления посла США: Как найти ИГИЛ в Панкисском ущелье Грузии? // EurAsia Daily. – М., 2016. – 02.02. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2016/02/02/ekspress-proverka-kak-my-nashli-igil-v-pankisskom-ushchele> (Дата обращения – 20.04.2017).

Swanson A. How the Islamic State makes its money // The Washington Post. – Wash., 2015. – 18.11. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/11/18/how-isis-makes-its-money/> (Дата обращения – 20.04.2017).